

БЕСЕДЫ БОГОВ

ФРАГМЕНТЫ ЧУКАГИРСКОГО ЭПОСА
в пересказе

Александра Секацкого

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА
Санкт-Петербург

ПОЯСНЕНИЕ

* * *

К этому тексту необходимы краткие пояснения. Что в данном случае представляет собой предлагаемое читателю чтение? Откуда взялась эта подборка – то ли фрагментов эпоса, то ли просто материалов фольклорной экспедиции? Кто такие чукагиры, почему мы не слышали о них раньше и не видели даже упоминаний? Ну и, наконец, где основательные академические комментарии, придающие публикации научный статус или хотя бы некоторую солидность?

Подробные, развёрнутые объяснения потребовали бы целого ряда обширных экскурсов – в историю народов Восточной Сибири, в типологию палеоазиатской семьи языков, а также в историю этнографических экспедиций и судьбу архивных материалов вообще и этого материала, использованного именно для данной подборки,

в частности. Полагаю, что всё это – дело будущего, и само будущее тут возможно, если публикация вызовет интерес и подтолкнёт научное сообщество к дальнейшему изучению предмета.

Я же впервые познакомился с материалом так. Заглянув на работу к своему приятелю Сергею К. (который просил пока не называть своего имени), сотруднику Российского этнографического музея (отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока), я застал его работающим над архивом В. Г. Богораза-Тана, известного исследователя чукчей и соседних народов. Архив был достаточно обширным и разнородным: интервью, описания, отчёты, заметки, зарисовки – практически всё, кроме вещественных артефактов, хранившихся в отдельных залах.

– Долго тебя ждать? – спросил я, и тогда Сергей сунул мне несколько листочков.

– Вот посмотри пока. Довольно любопытно.

И я прочёл историю о том, как шаман получил знание от землеройки, – текст, записанный на неведомом языке с помощью транскрипции, которую Богораз-Тан разработал для записи чукотских источников, снабжённый переводом на русский. Два других листочка содержали не слишком связанные фрагменты, в которых тем не менее чувствовалась скрытая сила: они были непохожи ни на что фольклорное, ни на что попадавшееся мне прежде.

Отсюда и началось моё вхождение в неведомый мир, продлившееся около двух лет и увенчавшееся данной публикацией. Итак, резонный вопрос: что же за народ такой – чукагиры, наследие которого предлагается теперь

широкому кругу читателей? Ответить на это не так просто. Само название заимствовано из тех первых листочков, которые столь опрометчиво подсунул мне мой товарищ. Их автор Л. С. Зейден все записи, не относящиеся непосредственно к чукчам, помечал соответствующим этнонимом: «ительмены», «коряки», «юкагиры», но несколько раз в записях, разбросанных среди чукотского материала, у него встречается пометка «чукагиры». Самый вероятный вывод отсюда такой: перед нами сведения из юкагирского фольклора, записанные со слов чукчей. Но почему бы тогда не свериться с имеющимися чукагирскими материалами для получения более полной, объективной картины?

Причина в юкагирах. Они известны как автохтонный народ Восточной Сибири и Крайнего Севера, по археологическим данным – с середины VI тысячелетия до н. э. Фактически со времён неолита юкагиры заселяли огромное пространство от Чукотки и Камчатки до Тобола, где с ними впервые и встретились русские, а именно отряд тобольского атамана Ивана Реброва в 1634 году столкнулся с юкагирами на реке Яне, после чего последовала довольно обычная история взаимоотношений: войны, сопротивление, перемирия, торговля, более или менее успешные попытки крещения.

Настоящая беда настигла юкагиров в конце XVII века, и пришла она откуда не ждали. На крайнем северо-востоке Евразии объявился крайне воинственный народ – чукчи, которые смогли оттеснить или поработить большинство соседних народов и даже выиграли несколько сражений у русских войск.

Для юкагиров столкновение с чукчами имело самые печальные последствия: они утратили бóльшую часть своего ареала обитания, а также обычаи, обряды и язык. Уже к началу XX столетия осталось менее восьмисот юкагиров. Вот последние данные из Википедии (по материалам экспедиции 2011 года):

«Не удалось выявить ни одного юкагира, занятого в традиционном хозяйстве, некоторые заявили, что “рыбачат в свободное время”. Большинство опрошенных не имеет представления об обрядах и обычаях своего народа и о родном фольклоре.

Опрошенные юкагиры старшего поколения не помнили юкагирских сказок, но знали имена сказочных персонажей».

В исследовании сообщается, что юкагирским языком владело лишь шесть человек, но Сергей К., общавшийся с юкагирами ещё в 90-х годах прошлого века, уже тогда, по его словам, не встретил ни одного знающего язык.

Что и говорить, незавидная участь для народа, занимавшего некогда немалую часть евразийского континента. Тем не менее чукагиры смогли оставить своё наследие в виде разнородных вкраплений, настоящих блёсток в памяти других народов, прежде всего тех же чукчей и в значительно меньшей степени ительменов, коряков и эвенков (тунгусов). Несколько включённых в эту публикацию материалов было записано и на чукотском языке (то есть как пересказ чужеземных историй), но, что самое поразительное, подавляющая часть сообщений озвучивалась респондентами на неизвестном им языке, именно как от-

дельные, обособленные мнемические вставки. Чаще всего такие вставки представляют собой заклинания, проклятия и даже ругательства, но среди них то и дело попадаются связанные истории или их фрагменты – три таких как раз и записал Л. С. Зейден. Этот диковинный язык действительно слегка похож на юкагирский (и, несомненно, является палеосибирским языком), но всё же достаточно сильно отличается от сохранившихся образцов собственно юкагирского. Возможно, перед нами древнеюкагирский язык, возможно, язык родственного юкагирам исчезнувшего народа, что, собственно, и позволяет сохранить этноним «чукагиры». Респонденты-чукчи называли представителей народа, о которых они рассказывали, «чужеземцами», «чужими», «прежними», «ушедшими». Сами исторические юкагиры, судя по всему, не осознавали себя единым народом, и уже в XIX веке их даже в языковом отношении делили как минимум на две группы: «тундровые» и «колымские». Куда более очевидным, соответствующим коллективному самосознанию было тотемное единство: люди медведя (Медведи), Выдры, Нерпы, Гагары и т. д. – уцелевшие юкагиры помнят не только имена персонажей сказок, но и свой тотем, что следует и из публикуемых материалов. Но из наших исследований тем не менее явствует, что речь всё же идёт о некоем едином этносе, исчезнувшем народе – пусть он пока называется чукагирами.

Теперь кратко о том, в чём же заключалась двухлетняя работа по подготовке текста. С первого же момента знакомства с образцами чукагирского наследия я уже больше не отставал от Сергея, и мы основательно перелопатили

все имеющиеся в архивах Российского музея этнографии материалы экспедиций Богораза-Тана, С. М. Широкогова, Д. С. Белякова, И. И. Муравьёва и различные разрозненные записи. Кое-что удалось извлечь из зарубежных источников – и по мере сил освоить чукагирский язык. Все наши исследования были направлены на поиски «вкраплений» (возможно, тут больше подойдёт термин К. Леви-Стросса «выдирки»), каковых в итоге нашлось немало. Далеко не все из этих иноязычных вставок удалось в итоге расшифровать – вообще, для настоящего лингвиста, историка или фольклориста работы тут ещё непочатый край. Именно поэтому Сергей был сначала категорически против поспешной публикации, а затем отказался присоединиться в качестве соавтора. Так что все погрешности, неточности и возможные ошибки можно смело записать на мой счёт.

* * *

После обнаружения первых «чукагирских вставок» желающих заняться академической обработкой материалов так и не появилось. Причин тому, я полагаю, несколько: трудности расшифровки, необходимость в значительной степени полагаться на интуицию, наконец, дисциплинарная неопределённость предмета.

Дело в том, что с точки зрения современной фольклористики и этнографии чукагирские тексты не аутентичны, ведь их носители фактически выступали в роли простых записывающих устройств – притом что «качество запи-

си» подверглось многоуровневым искажениям. Сначала респондент произносит текст, предваряя рецитацию, например, тем, что это «от бывших» или «от растаявших людей», и поясняя, что он читает заговор, помогающий от бессонницы или от боли в суставах (одна из расшифрованных историй была представлена как «заговор от дрожи в коленках»). Человек воспроизводит то, что слышал от деда, и воспроизводит так, как это сохранилось в его памяти. Исследователь, в свою очередь, записывает так, как он услышал, используя произвольную русскую или чукотскую транскрипцию (сохранилось лишь четыре магнитофонных записи, сделанных в 60-х годах прошлого столетия), после чего в лучшем случае делает вывод, что это «искажённый юкагирский» или какой-то родственный юкагирскому язык, а то и вовсе «тарабарщина», как выразился один из опрашиваемых. А к записи тарабарщины можно и относиться спустя рукава. Ситуация достаточно уникальна, но всё же её можно сравнить, например, с детскими считалками. Допустим, собиратель детского фольклора записывает респондента:

Эники-беники ели вареники,
Эники-беники флос –
Вышел пузатый матрос!

«Собиратель», во-первых, не станет расспрашивать «респондента», что значат «эники-беники», он и сам не рассчитывает извлечь из этого словосочетания какого-либо смысла.

Далее, если в соседнем дворе наш фольклорист услышит, допустим, такое:

Эники-беники ели вареники,
Эники-беники плюх –
Вышел горячий утюг! –

он добросовестно запишет услышанное как отдельную версию считалки. Но, если вместо «флос» кто-нибудь произнесёт «фрос» или «блос», собиратель фольклора это проигнорирует. Возможно, в своём случае он будет прав, но проблема в том, что для нерасшифрованной «чукагирской тарабарщины» как раз чрезвычайно важно именно различие между «флос» и «блос», и сколько раз приходилось испытывать досаду из-за невнимательности интервьюеров, сколько пассажиров, фрагментов и целых историй остались в итоге нерасшифрованными...

В сущности, нашему безнадёжному делу помогли два обстоятельства. Во-первых, полевые исследователи, записавшие «вставки» и «выдирки», в основном не знали о записях друг друга, поскольку «тарабарщина» не публиковалась и оставалась неразобранной в архивах и каждый заново руководствовался принципом «как слышится, так и пишется». Во-вторых, и это просто счастливый случай, помогли исследования С. М. Широкогорова, посвящённые феномену под названием «мэнэрик» – коллективным формам истерии, описанным автором в Колымском крае. В значительной мере именно под воздействием этого текста, всё ещё ожидающего своего настоящего осмысления,

выслушивались и записывались все «странности», в том числе и длинные иноязычные рецитации, в которых, правда, лишь немногие исследователи, подобно Л. С. Зейдену, пытались обнаружить смысл.

Помню, как, знакомясь с материалом, я испытывал удивительное чувство: перед тобой как бы живые книги, которые, понятное дело, «сами себя не читают» (Томас Гоббс), но при этом всё же обеспечивают передачу неведомого им (ходячим живым книгам) текста неизвестно кому и неизвестно зачем. Кажется, если бы мы вдруг не подвернулись, трансляция рано или поздно оборвалась бы, она уже сейчас прекратилась: таково было самое первое, непосредственное ощущение от работы над чукагирскими текстами. Далее последовало что-то вроде подозрения: а вдруг в мировой культуре есть и другие подобные залежи, добросовестные сообщения, самоотверженно переданные невольными носителями, но они, эти сообщения, никем не расшифрованы, а следовательно, так и не получены.

Так или иначе, каждая история является результатом расшифровки и сопоставления нескольких вставок-рецитаций, порой более десятка. И лишь путём кропотливого сличения, путём взаимной коррекции ошибок стало возможным обретение внятности и связности. Помогло и то, что три истории всё же были рассказаны по-чукотски, но, конечно, с фундаментальными искажениями, так что в данную подборку вошли не они, а их чукагирские корреляты.

Несколько чукагирских выражений приведены в угловых скобках < >. Кое-где основная версия дополнена

параллельными для большей связности, в ряде случаев пришлось ограничиться предположительным значением слов и отдельных предложений – это специально не оговаривается в тексте публикации.

Множество материалов, особенно коротких фрагментов «тарабарщины», остались нерасшифрованными: очень надеюсь, что серьёзная научная работа для академической публикации когда-нибудь будет проделана.

При всём этом я считаю, что данный текст, пусть даже предварительный, должен быть поведен миру. Но о его достоинствах судить читателю.

А. К. Секацкий

БЕСЕДЫ БОГОВ

ЯДУ, ПЕРВОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Здесь, где Индигирка впадает в океан, есть Прозрачный Тюлень. Но ласты его можно увидеть, они замутняются. Об этом говорит Яду своему спутнику Чудэгэ. Они как раз тут, где река впадает в большую воду.

Потом кто-то говорит:

– Видишь? Возле этого утёса?

Яду не видит, но снова слышит:

– Нет, смотри правее, у чёрного камня.

– Вижу, – и обращается к Чудэгэ: – А ты видишь? Раньше видел?

– Что? – спутник Яду не знает, с кем разговаривает Яду. Он спрашивает у Яду: – Это ты говоришь? О Прозрачном Тюлене?

Но голос отвечает:

– Это я говорил. Ты меня видел.

Яду спрашивает, обращаясь туда, откуда был голос:

– Почему ты сказал: здесь есть Прозрачный Тюлень?

Почему не сказал просто: посмотри на меня?

Чудэгэ спрашивает:

– Яду, с кем ты болтаешь?

– Чудэгэ, молчи, если не видишь и не слышишь, – так отвечает ему Яду.

– Здесь есть Чайка. Самая обычная, но бессмертная и древнее всего существа.

– Это ты говоришь, Тюлень? – спрашивает Яду.

– Яду, перестань разговаривать разными голосами.

Мне страшно, я тебя ударю, – с тревогой предупреждает Чудэгэ.

– Здесь есть Чайка.

– Это ты говоришь, Чайка? – спрашивает Яду. –

Я тебя не вижу.

– Я на Самой Высокой Берёзе.

– Берёзу не вижу. Тюлень, где Берёза?

– Ты видел Прозрачного Тюленя, ты будешь шаман.

Ты увидишь Берёзу и тогда будешь великий шаман. Чайка увидит тебя, тогда ты станешь богом. Но Чайку ты не увидишь.

– Кто говорит?

СОБЫТИЕ

Вот женщина, одна в чуме, муж на охоте, дети играют. А это её маленький ребёнок, родившийся две луны назад. Ребёнок завернут в шкуру, молчит, спит. Женщина разворачивает ребёнка и заворачивает в другую шкуру, которая для девочек. Муж на охоте, он ещё не видел этого ребёнка. Он вернётся и даст имя. Он ведь приготовил два имени.

Где этот чум? Он на стойбище. Где это стойбище? Оно на берегу, на земле. Где эта земля? Не знаю, что и сказать. Как зовут женщину? Я не знаю. Какого цвета её рукавицы, которые сушатся у огня? Я не вижу рукавиц. Не вижу огня, чума. Всё в тумане. Но женщина одна в чуме, она разворачивает ребёнка и заворачивает его в другую шкуру, шкуру для девочек. Всё остальное в тумане, есть только это: женщина, ребёнок, две шкуры. Вот такая история.

ЗНАНИЕ НЕ ОТСЮДА

Отэх совсем ни на что не пригоден – ни сети забросить, ни силки поставить, ни чум разобрать не может. Никаких полезных заклинаний не знает. Отэх совсем как дурачок. Но, если рассказать ему любой сон, он точно скажет, приснился ли этот сон летом или зимой. И про каждую льдинку скажет, где она текла, когда была водой. Или вот недавно сказал Чудэгэ: ты с утра сегодня делал сорок по сорок и ещё пять вдохов и выдохов, меньше, чем обычно, не работал сегодня утром. Или скажет, какой плод первым созреет и упадёт с дерева. Но никто не проверяет, никогда ещё не пригодилось его знание. Говорит: все едят солнце. Бераа тогда спросила: а что ест солнце? А он говорит: солнце само себя ест. Отэх язык птиц не понимает, язык зверей не понимает. Говорит: я знаю язык бурундуков, но эти

бурундуки здесь сами не знают свой язык... Но человеческий язык Отэх знает, все слова. И вот у шамана Яду спросили: почему Отэх знает все слова, но ничего толком делать не умеет, а Чипачи, другой дурачок, говорить не умеет, а сани запрягает запросто и всякое такое?

А шаман отвечает: просто всё знание Отэха не отсюда. В тот мир, в котором его знание полезно, он почему-то не попал, а попал в этот. А значит, кто-то по ошибке попал на его место.

Тогда шамана спросили: а ты можешь их поменять?

Шаман говорит: тот человек – девушка. Очень красивая. Она не хочет меняться. У неё всё знание из этого мира, о том мире, где она, у неё нет знания. Но не хочет меняться.

А Бераа говорит: я её понимаю. Если она такая красивая, зачем ей знание того мира и этого? Красота девушки может заменить знание любых миров.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА

